

Наследница

КВИНСТАУН,
КЕНТЕРБЕРИЙСКАЯ РАВНИНА

1893 год

Глава 1

— Вы миссис О'Киф?

Уильям Мартин озадаченно смотрел на хрупкую рыжеволосую девушку, приветствовавшую его за столиком администратора в гостинице. Ребята из лагеря золотоискателей описали ему миссис О'Киф как пожилую женщину, в некотором роде дракона в женском обличье, который с годами изрыгает все больше и больше пламени. Говорили, что в отеле миссис Хелен царят строгие порядки. Курение запрещено, алкоголь тоже, не говоря уже о том, чтобы приводить гостей противоположного пола, если нет свидетельства о браке. По рассказам старателей, ему представлялась не гостиница, а скорее тюрьма. Но что бы там ни говорили, в заведении мисс Хелен, по крайней мере, не было блох и клещей, а вот баня — была.

Последнее обстоятельство окончательно убедило Уильяма в том, что стоит отбросить все предостережения знакомых. После трех дней, проведенных на землях старой овечьей фермы, он был готов на все, чтобы сбежать от кишевших там паразитов. Он был готов даже стерпеть «дракона» в лице Хелен О'Киф.

Однако теперь его приветствовал никакой не дракон, а исключительно милое зеленоглазое создание с неукротимыми роскошными золотисто-рыжими кудрями, обрамлявшими нежное лицо. В общем, самое приятное зрелище с тех пор, как Уильям сошел с корабля в Данидине, что в Новой Зеландии. Настроение, на протяжении многих недель находившееся на нуле, заметно улучшилось.

Девушка рассмеялась.

— Нет, я Илейн О'Киф. Хелен — моя бабушка.

Уильям улыбнулся, зная, что таким образом может произвести более благоприятное впечатление. В Ирландии на лицах девушек всегда появлялось внимательное выражение, когда они замечали, как вспыхивают искорки в его голубых глазах.

— Мне, признаться, даже жаль. У меня уже почти созрела коммерческая идея: «Вода из Квинстауна — откройте для себя источник вечной молодости!»

Илейн захихикала. У нее было узкое личико и маленький, может быть, чуточку заостренный нос, покрытый множеством веснушек.

— Вы поладите с моим отцом. Он постоянно придумывает подобные изречения: «Хороша лопата — копай до упаду. Старатели, покупайте инструменты в магазине «О'Кей!»

— Буду рад, — заявил Уильям, действительно запомнив имя. — Ну так что? Я могу рассчитывать на комнату?

Девушка заколебалась.

— Вы старатель? Тогда... что ж, свободные комнаты еще есть, но они довольно дорогие. Большинство золотоискателей не могут позволить себе останавливаться здесь...

— Неужели я так плохо выгляжу? — с наигранной строгостью произнес Уильям. При этом он нахмурил лоб, прятаящийся под густыми светло-русыми волосами.

Теперь Илейн без смущения рассматривала его. На первый взгляд он не особенно отличался от других старателей, которых она каждый день встречала в Квинстауне. Да, на вид грязноват и оборван, одет в вощенный плащ, синие джинсы и крепкие са-

поги. Но со второго взгляда Илейн, будучи дочерью торговца, рассмотрела качество его одежды: под расстегнутым плащом виднелась дорогая кожаная жилетка; на ногах — кожаные нащтанники; сапоги из высококачественного материала, а лента на его широкополой шляпе была сплетена из конского волоса. Все это стоило почти целое состояние. Его седельные сумки — поначалу он небрежно перебрросил их через плечо, но теперь поставил на пол между ногами, — судя по всему, были сделаны на совесть и за большие деньги.

Все это было совершенно нетипично для авантюристов, приезжавших в Квинстаун, чтобы искать золото в реках и горах, поскольку разбогатеть удавалось не всякому. По большей части рано или поздно люди уезжали из города такими же бедняками, какими и являлись сюда. Все дело было в том, что мужчины не пытались сберечь добытое на приисках, а тут же, прямо в Квинстауне, и спускали все. Нажить деньги по-настоящему удалось только переселенцам, которые открыли здесь свое дело. К их числу относились родители Илейн; мисс Хелен со своим пансионом; Стюарт Питерс, владевший кузницей и конюшней, где можно было взять в аренду лошадей; Итан, владелец почты и телеграфа; и, конечно же, хозяйка пользующегося дурной славой, но всеми любимого паба на Мейн-стрит и расположенного над ним дома терпимости под названием «Отель Дафны».

Уильям терпеливо, с чуть насмешливой улыбкой выдержал оценивающий взгляд Илейн. Девушка вглядывалась в довольно юное лицо, на котором, когда он усмеялся, появлялись ямочки на щеках. А еще он был чисто выбрит! Это тоже было непривычно. Большинство старателей брались за бритвенный нож только по выходным, когда у Дафны бывали танцы.

Илейн решила слегка поддразнить новопривывшего и, возможно, заставить его раскрыться.

— По крайней мере пахнете вы не так крепко, как большинство. Уильям улыбнулся.

— Пока что в озере можно еще бесплатно купаться. Но мне сказали, что это ненадолго, да еще холодает. Кроме того, похоже,

золоту нравится запах крепкого пота. Тот, кто реже купается, достает из реки больше всего самородков.

Илейн не выдержала и рассмеялась.

— С них вам пример лучше не брать, не то рассердите бабушку. Вот, заполните, пожалуйста...

Она придвинула регистрационный формуляр, изо всех сил стараясь не слишком глазеть на него через стойку. Она незаметно читала формуляр вместе с ним, в то время как Уильям заполнял его размашистым почерком. Это тоже было непривычно, так писать могли лишь немногие старатели.

Уильям Мартин... Сердце Илейн забилося быстрее, когда она прочла его имя. Красивое имя.

— А что писать здесь? — спросил Уильям, указывая на строку, куда нужно было вписать домашний адрес. — Я ведь только приехал. Это будет мой первый адрес в Новой Зеландии.

Илейн с трудом удалось скрыть свой интерес.

— Правда? И откуда же вы? Нет, дайте я угадаю. Моя мама тоже всегда так поступает с постояльцами. По акценту можно определить, откуда человек родом...

С большинством новоприбывших было довольно легко. Конечно, время от времени случались и ошибки. К примеру, для Илейн акцент шведов, нидерландцев и немцев звучал почти одинаково. Зато ирландцев и шотландцев чаще всего она отличала без проблем, а людей из Лондона определить было легче всего. Экспертам удавалось даже назвать часть города, из которой был родом тот или иной человек. Впрочем, проделать этот фокус с Уильямом оказалось не так-то легко. Судя по всему, он был англичанином, но говорил мягче, слегка растягивая гласные.

— Вы из Уэльса, — наудачу произнесла Илейн. Ее бабушка по материнской линии, Гвинейра МакКензи-Уорден, была валлийкой, и произношение Уильямса немного напоминало ее выговор. Впрочем, Гвинейра не говорила на четко выраженном диалекте. Она была дочерью мелкого дворянина, а ее воспитатели тщательно следили за тем, чтобы она говорила по-английски без акцента.

Уильям покачал головой, но не улыбнулся, как надеялась Илейн.

— С чего вы взяли? — поинтересовался он. — Я ирландец, из графства Коннемара.

Илейн покраснела. Она никогда бы не догадалась, несмотря на то что среди золотоискателей было много ирландцев. Но они обычно говорили на очень корявом диалекте, в то время как Уильям выражался скорее изысканно.

И, словно для того, чтобы подчеркнуть значимость своего происхождения, он принялся вписывать адрес крупными буквами: усадьба Мартинов, Коннемара.

Не похоже на поместье мелкого крестьянина, скорее это целое землевладение...

— Тогда я покажу вам вашу комнату, — произнесла Илейн.

В принципе, она не должна была лично провожать гостей наверх, и уж тем более гостей мужского пола. Бабушка Хелен неоднократно напоминала ей о том, что для этого она должна звать слуг или кого-то из горничных. Но ради такого мужчины Илейн готова была сделать исключение. Она вышла из-за стойки администратора, держась при этом очень прямо, «как леди», — так учила ее бабушка. Только не переходить на волнующую походку, как обычно, покачивая бедрами, любили прохаживаться девушки Дафны!

Илейн надеялась, что будут хорошо заметны ее только начавшая наливаться грудь и очень тонкая талия, туго затянутая в корсет. Честно говоря, она терпеть не могла корсеты. Но если благодаря этому ею заинтересуется молодой человек...

Уильям шел за девушкой, радуясь, что при этом может не попадаться ей в поле зрения. Ведь он едва удерживал себя от того, чтобы не таращиться сладострастным взглядом на ее округлую в нужных местах фигуру. Время в тюрьме, затем восемь недель на корабле, а теперь скачка от Данидина до золотых приисков под Квинстауном...

В общем, он даже близко не подходил к женщине на протяжении четырех месяцев.